

достоверных сопоставимых данных, которые бы позволяли делать те выводы, к которым приходит автор. Последнее обстоятельство, впрочем, не означает, что мы не согласны с этим заключением. Важно отметить, что в округе ни само население, ни руководство не обеспокоены вопросами сохранения языка и национальной самобытности. Коми-пермяки в городских условиях обладают неуверенным, шатким самосознанием. Этнорегиональная мобилизация находится на стадии зарождения. Выход из кризиса, по мнению автора, прямо зависит от общего положения в Российской Федерации. Одним из возможных вариантов улучшения ситуации может быть изменение связей округа, ориентация его на развитие многосторонних контактов с Республикой Коми, т.е. нарушение односторонней зависимости от областного центра. Однозначно можно утверждать, что возможный выход из серьезного социально-экономического, этнического кризиса потребует много времени.

Делая общий вывод о работе Сеппо Лаллукка, можно сказать, что автору удалось глубоко охарактеризовать как отдельные этапы, так и общие тенденции развития коми-пермяцкого этноса, выявить наиболее сложные проблемы современной жизни народа. Отмечено, что Коми-Пермяцкий округ с 1960-х годов является стагнирующей территорией, а этническая культура коми-пермяков находится в процессе эрозии. Процесс этнической эрозии достаточно убедительно подтвержден статистическими данными, материалами массового опроса населения, публицистикой и другими материалами. Важно отметить, что в работе чувствуется четкая авторская позиция по всем обсуждаемым вопросам. Все положения и выводы автора аргументированы, хотя порой, на наш взгляд, требуют более строгого обоснования. Закономерным представляется и основной вывод: коми-пермяцкий этнос переживает глубокий и многосторонний кризис, который постоянно углубляется. Вместе с тем, на наш взгляд, пути выхода из кризиса, о которых упоминает С. Лаллукка, являются весьма спорными и сама возможность преодоления этого кризиса сегодня вряд ли существует.

Примечания

¹ *Шабает Ю.П.* Коми-пермяки: проблемы выживания // *Этнограф. обозрение.* 1994. № 4. С. 26–35; *Shabaev Ju., Lallukka S., Derjabin V.* Between Assimilation and Accomodation: Problems of Komi-Permiak identity Maintenance // *Studia Slavica Finlandensia.* Т. XI. Helsinki, 1994. P. 101–118; *Шабает Ю.П.* Коми-пермяцкая диаспора. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 341. Сыктывкар, 1994; *Шабает Ю.П.* О национально-культурном развитии коми-пермяков // *Отечественная история.* 1995. № 1. С. 180–189; *Shabaev Ju.* The Komi-Permians. Search for Identity in the Russian North // *Northern People Southern States. Maintaining Ethnicities in the Circumpolar World.* Cerum. Umea. 1996. P. 169–181; *Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабает Ю.П.* Современные коми. Екатеринбург, 1996 и др.

² Финно-угорские регионы России в цифрах. Стат. сб. Сыктывкар, 1996. С. 37.

Цыпанов Е.А., Шабает Ю.П.

© 1997 г., ЭО, № 4

ЦЕННЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Вышел в свет 9-й том библиографической серии Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук «Русский фольклор», вобравший материалы, опубликованные в России на русском языке с 1800 по 1855 г.¹ На этот раз справочник появился благодаря помощи издательства «Дмитрий Буланин» и без двойного грифа (не упомянута Библиотека Российской Академии наук), но с сохранением привычного внешнего вида предыдущих выпусков².

Указатель открывается заметкой «От составителя» (с. 6), затем следует вступительная статья Т.Г. Ивановой «Литература по русскому фольклору в 1800–1855 годах», в которой указаны характерные черты исследования устно-поэтического творчества обозреваемого периода (с. 7–19).

В XIX в. исследователи начали понимать эстетическую и нравственную ценность народной культуры, фольклора в частности. Однако до середины столетия проходило, главным образом, накопление фактических данных без достаточного их осмысления. Определяющей чертой фольклористической мысли анализируемого пятидесятилетия, по мнению Т.Г. Ивановой, является процесс вычленения науки о народном творчестве из круга родственных ей гуманитарных дисциплин (этнография, литературоведение, история, лингвистика) и формирования в самостоятельную, новую для России область познания. В статье говорится о

первых попытках классификации основных жанров устной словесности, особенно обрядовой поэзии, занимавшей центральное место в интересах собирателей.

Т.Г. Иванова отмечает заслуги провинциальной интеллигенции, способствовавшей складыванию по всей стране широкого фольклорно-краеведческого движения, «которым по праву может гордиться дореволюционная наука» (с. 13). Определена роль любительского кружка П.В. Киреевского, ставшего фактически первым неформальным центром собирания и изучения народной поэзии, и деятельность В.И. Даля, внесшего выдающийся вклад в становление науки о фольклоре.

Более или менее определенные организационные формы фольклористика получила после создания в 1840 г. Императорского Русского географического общества, этнографическое отделение которого ставило своей задачей познание народного быта, в том числе и устного творчества. Подготовленная в ИРГО «Программа для составления местных этнографических описаний», разосланная по всем регионам в 1847 г., была истолкована на местах как директива для обязательного исполнения. Учрежденные повсеместно еще в 1838 г. «Губернские ведомости» предоставили свои страницы для публикаций собранного материала, что еще более активизировало работу краеведов.

Позднее аналогичными вопросами занимались во Втором отделении Императорской Академии наук (Отделение русского языка и словесности). Составленная И.И. Срезневским «Программа для собирания образцов народного языка и словесности» (Известия ОРЯС ИАИ. 1852. Тетр. 1) была опубликована большинством «Губернских ведомостей», что также способствовало расширению интереса к устной словесности. Последний вопрос, затронутый в статье – возникновение в 50-х годах первой в истории отечественного рассмотрения народной поэзии мифологической школы (Ф.И. Буславев, А.Н. Афанасьев), родившейся в недрах лингвистики и в конечном счете отделившейся от нее, а также «историко-юридической школы» (К.Д. Кавелин), которую следует рассматривать лишь в качестве одного из направлений исторических исследований.

Выявленный печатный массив (3153 номера) расположен в хронологической последовательности в двух частях: 1) «Тексты и материалы» с дополнительным делением по жанрам фольклора (с. 20–146, № 1–1867); 2) «Исследования, статьи, заметки», где, кроме перечисления трудов общего характера и анализа отдельных видов народной поэзии (с. 147–208, № 1868–2796), имеются разделы «История русской фольклористики» (с. 208–219, № 2797–2949), «Взаимоотношение русского фольклора с профессиональным искусством» (с. 220–230, № 2950–3109), «Учебная и методическая литература» (с. 230–232, № 3110–3134), «Библиотечные обзоры» (с. 232–234, № 3135–3148), «Программы по собиранию русского фольклора» (с. 234, № 3149–3153).

Своеобразие тематики публикаций 1800–1855 гг. определило некоторые изменения существовавших рубрик: выпали параграфы «Рабочий фольклор. Революционные песни», «Фольклор старообрядцев и сектантов», «Фольклор тюрьмы и каторги», «Песни студентов», но появились новые («Календарно-хозяйственные обряды и праздники», «Материал по посиделкам, играм, повседневному этикету», «Народные гулянья в городах», «Светские праздники в русском духе», «Солдатские песни исторического содержания», «Языческие боги древних славян», «Стихотворные переработки сказочных мотивов»).

Справочник завершается вспомогательными указателями: имен (с. 235–248), географическим (с. 249–254), использованных источников (с. 255–262). Последний поражает разнообразием изученных книг, временных изданий, энциклопедий и словарей, выявление которых при отсутствии в XIX в. государственного централизованного учета печатной продукции являлось весьма сложной задачей. Т.Г. Иванова привлекла 24 сборника статей, 139 продолжающихся изданий и журналов, в том числе, казалось бы, далеких от устно-поэтической тематики, таких как «Вестник естественных наук и медицины» (М.), «Журнал коннозаводства и охоты» (СПб.), «Журнал Министерства государственных имуществ» (СПб.), «Записки Казанского экономического общества» (Казань), «Мода» (СПб.), 47 распространенных газет и малотиражных («Ведомости московской городской полиции», «Листок» (М.), «Колокольчик» (СПб.).

Рецензируемая библиография стала заметным вкладом в науку о русском народном творчестве. Самой высокой оценкой заслуживает работа составителя по выявлению и систематизации зачастую неизвестных или забытых трудов, вступительная статья, вводящая в круг основных проблем и событий русского фольклористического процесса первой половины XIX в. Но некоторые теоретические положения, высказанные ею, и отдельные элементы композиционного построения справочника представляются, на наш взгляд, спорными или требующими дополнений и уточнений.

В печатном отзыве на выпуск, отразивший литературу 1881–1900 гг. (так же подготовленном Т.Г. Ивановой), критиковалась категоричность вывода об окончательном становлении фольклористики как отдельной области отечественной гуманитарной науки в последнее двадцатилетие прошлого столетия³. Тем более ошибочным кажется утверждение, присутствующее в данном указателе: «Фольклористическая жизнь России в середине XIX века обрела новое по сравнению с началом XIX века качество, которое позволяет говорить о завершении продолжительного процесса формирования фольклористики в отдельную научную дисциплину» (с. 19); появление «мифологической школы» стало якобы «последним штрихом, знаменовавшим собой окончательное становление фольклористики» (с. 17).

История любой науки складывается из двух компонентов: накопления фактов и разработки системы понятий, принципов и методов. Ф.И. Буслаев по-новому рассматривал устное творчество, но не считал его самостоятельной отраслью знания, а относил к исследованиям языка, древнерусской литературы и древнерусского искусства. Академик А.Н. Пыпин объединял фольклористику с другими науками о народном быте и народной культуре, хотя вопросы поэзии народа превалировали в его четырехтомной «Истории русской этнографии» (СПб., 1890–1892). В монографии «Характеристики литературных мнений от тысячи восьмьсот двадцатых до пятидесятих годов» (Изд. 2. СПб., 1890), он определенно говорит об отсутствии такого подразделения в обществоведении (см. с. 213)⁴.

Также не вполне убедительным представляется соображение Т.Г. Ивановой о возможности рассмотрения периода с 1800 по 1855 г. в качестве единого целого, хотя ею и признаются принципиальные различия в состоянии русской фольклористики начала и середины XIX века (с. 7).

Отечественное изучение безымянного художественного творчества всегда было связано с историей общественной мысли. По определению М.К. Азадовского, «русская фольклористика развивалась под влиянием тех или иных будирующих идей эпохи»⁵. Если вначале собирание, изучение и публикация народной словесности шли в традициях XVIII столетия, то война 1812 г. подняла национальное самосознание и чувство национальной гордости, увеличила интерес к фольклору как к одному из существенных элементов в познании судеб страны.

После разгрома декабристского движения наступило господство консервативного направления, усилилось внимание к патриархальной старине. Этому способствовала выдвинутая в 1834 г. президентом Императорской Академии наук и министром просвещения С.С. Уваровым известная триединая формула так называемой «официальной народности»: православие, самодержавие, народность, что сразу сказалось на принципах фиксации и печатания текстов.

Настоящая политическая борьба за фольклор началась в 1840-х годах, времени окончательного оформления славянофильства и западничества: и те и другие искали в народном быте и устной словесности подтверждения своих взглядов на прошлое и настоящее России. Славянофилы и близкие им под духом представители официальной народности⁶, приверженцы древнего уклада, религиозности и смирения, были особенно активными практиками-собирающими, исследователями-теоретиками и публикаторами, именно поэтому в рецензируемом указателе оказалось так много сведений о суевериях, обрядах и старинных преданиях. Западников отличало другое понимание исторического пути и художественного богатства народа России. Народу-богоносцу, ревнителю христианской идеи покорности противопоставлялся народ, несший мечту об освобождении от крепостной зависимости. Демократы (особенно В.Г. Белинский) старались выявить подлинные варианты, знакомящие с настоящей жизнью крестьян, и призывали печатать материалы без тенденциозного отбора, искажений и приукрашивания, чего не делали ни славянофилы, ни официальная пресса. Думается, об этом следовало сказать во вступительной статье к рецензируемому тому.

Что касается композиции указателя, то вызывает сомнение правильность расположения данных о лубочных книжках не единым комплексом, как в библиографии 1881–1900 гг., а рассыпью: дополнением к разделам «Сказки и народные повести в дешевых изданиях» (к главе «Сказки») и «Песенники» (к главе «Песенная лирика»), или вкраплением в раздел «Анекдоты». Отдельный параграф отведен только «Сонникам и гадательным книжкам» (с. 137–144, № 1749–1836). Такое структурное решение Т.Г. Иванова объясняет размытостью границ «...между изданиями для простого народа и фольклорными книгами, обслуживающими вкусы образованных слоев общества» (с. 8). Однако вряд ли в домашних библиотеках дворян находились еще повести о Бове-Королевиче, Гуаке или Еруслане Лазаревиче. Во всяком случае А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» (1838 г.) по-другому характеризует читательские потребности Татьяны Лариной, ее матери и самого Онегина. Н.А. Некрасов, не понаслышке знавший народный быт середины прошлого века, отметил устоявшийся интерес простого люда к лубку. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» (сочинение 1860-х годов) он упоминет на «времечко желанное», когда «...дадут понять крестьянину... что книга книге рознь? Когда мужик не Блюхера, и не милорда глупого – Белинского и Гоголя с базара понесет?»

Прозаические пересказы сюжетов о былинных богатырях (в первую очередь об Илье Муромце), даже если допустить правильность аргументации составительницы, вероятно, надо было отнести не к «Сказкам», а к разделу «Былины и баллады». Как установлено А.М. Астаховой, переложения былин, пусть даже схематичные, и с нарушением стихотворной формы, все же не переходят в художественную систему другого жанра⁷.

Некоторые аннотации следовало дать в более развернутом виде, так как, безусловно, специалистам будут полезны любые детали, конкретизирующие малоизвестные и труднодоступные публикации 1800–1855 гг. Так, в № 12 не указано, что в работе П.П. Свинына на с. 47–50 имеется описание поверий и обрядов москвичей, связанных с празднованием Вербного воскресенья, на с. 252–259 охарактеризована старинная обрядность донских казаков с цитированием свадебных песен и приговоров дружки; в 411 не отмечено наличие в материале А.С. Грибоедова одного из ранних свидетельств представления народной драмы с включением песен; в № 560 следовало бы сообщить место записи загадок Тихвинского уезда

Новгородской губернии; в № 583 не уточнено, что приводимая песня относится к Степану Разину (кстати, автор статьи «В.П.» – это В.В. Пассек); в № 1848 надо было представить введенную в повесть А.Ф. Вельтмана разбойничью песню «Что отуманилась, зоренька ясная», являющуюся фольклорной стилизацией самого писателя. В № 1874 не упомянута рецензия на сборник М.А. Максимовича с рассуждением автора о сходстве русских и украинских народных песен; в № 1879 недостаточно раскрыт состав статьи Н.Д. Иванчина-Писарева, который показал связь «Слова о полку Игореве» с устной традицией и произведениями профессиональных писателей; в № 1880 можно было особо остановиться на 6-й главе диссертации И.М. Бодянского, отведенной песням «северных руссов»; или «великороссиян»; в № 2187 не раскрыта основа разыскания А.Н. Афанасьева «Ведун и ведьма», базирующегося на сравнении русских поверий с предрассудками, бытующими у представителей других национальностей; в № 2275 не дано определение «Руководства к познанию российского законоискусства» З.А. Горюшкина как первого опыта выявления в наших нравах, обычаях и пословицах положений древней юриспруденции; в № 2393 не отмечено принадлежащее В.В. Пассеку первенство в описании купальского обряда. Перечень подобных недочетов может быть продолжен.

Ошибочно только в качестве рецензии представить нашумевшую в свое время обширную статью М.Н. Каткова (92 страницы; опубликована без подписи). Написанная по поводу сборника И.П. Сахарова «Песни русского народа» (Указатель, № 1249), она стала одним из первых выступлений в печати против славянофилов.

Ни одно справочное пособие большого объема не обходится без лакун. Имеются они и в труде Т.Г. Ивановой. Например, представлен не весь фольклорный материал из журнала Н.А. Полевого «Московский телеграф», в то время как ему принадлежит видное место в изучении устной словесности. Пропущены «Песня об Илье Муромце», записанная в Сибири (1827. Ч. 18)⁶; «Забалканская песня», снабженная справкой: «Она сложена за Балканами, наши солдаты пели ее в стенах Адрианопольских и Энисских» (1829. Ч. 29); отзыв на книгу Н.И. Гнедича «Простонародные песни нынешних греков» (Указатель, № 2716), в котором много говорится о сходстве русского и греческого песенного мелоса (1825. Ч. 2).

Можно было бы, на наш взгляд, указать на то, что Н. Полевой большое внимание уделял народно-подражательной литературе, постоянно публиковал произведения этого направления. В библиографию не попали «Святоточные рассказы» самого редактора (1826. Ч. 12), его же «Старинные сказки с новыми приключениями» (1832. Ч. 48), рассказ А.А. Марлинского «Страшное гадание» (1831. Ч. 38), отрывок из романа А.Ф. Вельтмана «Кашей бессмертный» (1832. Ч. 47). Не учтены рецензия Н. [олевого] на 4-й том сочинений Г.Р. Державина, где выявлено его обращение к народной поэзии (1832. Ч. 47), обзор Н. [олевого] «О новом направлении в русской словесности», содержащий анализ сказок В.А. Жуковского и А.С. Пушкина (1834. Ч. 56) и т.д.

Не исчерпан полностью и журнал М.Н. Погодина «Московский вестник». Из него не извлечены: зарисовка В.Б. «О народных праздниках» (обряды Тульской губернии) (1827. Ч. 6); статья И. [негирева] «Красная горка» (о праздновании Фоминой недели) с просьбой присылать в адрес редакции «всякое благонамеренное точное замечание» (1827. Ч. 3. С. 120); «Программа по изучению русских народных праздников», составленная И.М. Снегиревым. Она сопровождается обращением редактора к «наблюдателям старины», чтобы они «благоволили сообщить (автору) свои мнения о труде его и дополнения к оному... Мы же со своей стороны весьма рады будем, если журнал наш делается посредником в таком общепольном деле» (1828. Ч. 9. С. 221); текст «Старинная русская песня» с указанием публикатора «Видимо, разбойничья волжская песня» (1827. Ч. 6. С. 391); тексты трех народных песен с примечанием Погодина «Кажется, они не были еще нигде напечатаны. По крайней мере, две последние» (1828. Ч. 11. С. 110); размышления А. Кубарева «О тактах, употребляемых в русском стихосложении» с разбором напевов народной лирики (1829. Ч. 14).

Из других источников не привлечены следующие материалы об отдельных фольклорных жанрах: Парихин Г.И. Провинциальные увеселения (посиделки) (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1839. № 2); Дашков В.А. (?) Поверья и предания олончан (Маяк. 1843. Т. 11. Кн. 22); Шишков А.А. О русских пословицах (выписки из разговоров о словесности с некоторыми прибавлениями) и обширным комментарием издателя журнала С.Н. Глинки (Русский вестник, 1811. Ч. 15. № 7); текст предания «Илья Муромец» из собрания И.П. Сахарова (Маяк. 1841. Ч. 14) и т.д.

Т.Г. Иванова не обратила внимание и на труд Г.Р. Державина «Рассуждение о лирической поэзии или об оде», между тем, в нем присутствует исследование поэтики древнерусской народной словесности, сходства мелоса разных народов, влияния на творчество трубадуров русских рифмованных песен и их наигрышей, заезженных во Францию свитой Анны Ярославны в XI в. (Чтения в беседе любителей русского слова. Кн. 2, 6, 14. СПб., 1811, 1812, 1815). Не упомянуты публикация, в которой приведены данные о лубочных картинках – автобиографические записки Н.И. Страхова «Мои петербургские сумерки» (Ч. 2. СПб, 1810) – и статья М.Н. Макарова «О Московских ведомостях, изданных в царствование государя императора Петра Великого» (Вестник Европы. 1821. Ч. 117. № 9).

По разделу «Фольклор и литература» в поле зрения составительницы не попали монография

А.-Л. Шлецера «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке» о содержании в «Начальной летописи» устных преданий (Ч. 1–3. СПб., 1809–1819) и примыкающее к ней разыскание М.Т. Каченовского «Параллельные места в русских летописях», дающее перечисление сюжетов «бродячих» легенд, попавших в нестеровскую летопись (Вестник Европы. 1809. Ч. 48. № 18) и др.

Библиографическая часть справочника могла быть пополнена сведениями об «Обозрении русской географической, этнографической и статистической литературы за 1851 год» Е.И. Ламанского (Вестник Императорского Русского географического общества. 1852. Ч. 4), «Обозрениях русских газет и журналов» за 1852 и 1853 гг. (с разделом «Этнография»), опубликованных в «Журнале Министерства народного просвещения» (1853. Ч. 78, апрель; Ч. 79, сентябрь). В них имеются отзывы о фольклористических трудах, например, размышлении Н.И. Надеждина «О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской» (Указатель, № 1907, 2840, 2870) (Ч. 78. С. 235–237). Не использован обзор Н.Г. Чернышевского «Труды по части русской словесности в 1853 году» (Современник. 1854. Т. 46. № 8), в котором на с. 32–35 и 40–43 и подробно отрецензированы записи былин священника Е. Фаворского и известного собирателя С.И. Гуляева (Указатель, № 1180–1182).

В разделе методических материалов по выявлению и фиксации образцов устной поэзии нет данных о «Программе сообщений для составления общих заключений о губернии» (с параграфом «О народном быте»), подготовленной А.И. Герценом (Прибавления к «Владимирским губернским ведомостям». 1838. № 16; по цензурным соображениям напечатана без подписи).

Высказанные дискуссионные возражения и отдельные критические замечания ни в коей мере не умаляют значимости справочника «Русский фольклор: 1800–1855». Следует поблагодарить Т.Г. Иванову за самоотверженный труд, требующий незаурядной источниковедческой интуиции, терпения, внимания и усидчивости. Благодаря ее стараниям российская фольклористика продолжает оставаться наиболее библиографически оснащенной отраслью нашей гуманитарной науки.

Примечания

¹ Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1800–1855 / Сост. Т.Г. Иванова. Под ред. А.А. Горелова. СПб., 1996. 262 с.

² Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1881–1900 / Сост. Т.Г. Иванова. Л., 1990; то же. 1901–1916 / Сост. М.Я. Мельц. Л., 1981; то же. 1917–1944. Л., 1966; то же. 1945–1959. Л., 1961; то же. 1960–1965. Л., 1967; то же. 1966–1975. Ч. 1–2. Л., 1984–1985; то же. 1976–1980 / Сост. Т.Г. Иванова. Л., 1987; то же. 1981–1985. Л., 1993.

³ См.: Мельц М.Я. Русский фольклор. Библ. указатель 1881–1980 // Этногр. обозрение. 1991. № 5. С. 149–150.

⁴ Учет печатного материала каждой области знания всегда отражает уровень ее развития. Поэтому косвенным доказательством отсутствия в первой половине прошлого столетия фольклористики как самостоятельной дисциплины является классификация библиографических подборок: в них нет параграфа «Народное творчество» или «Устная словесность» (слово «фольклор» тогда еще не вошло в употребление). См.: Указатель, № 3135–3148.

⁵ Азадовский М.К. Литературное наследие Веселовского и советская фольклористика // Советский фольклор: Сб. материалов и статей. № 7. М.; Л., 1941. С. 12.

⁶ Симптоматично в этом плане особое посвящение С.С. Уварову труда И.П. Сахарова «Русские престоноародные праздники и суеверные обряды». Вып. 1–4. СПб., 1837–1839.

⁷ Астахова А.М. Сказки о богатырях былинного эпоса // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 6. М.; Л., 1961.

⁸ Как указано Н.А. Полевым, данный текст не содержит ошибок, имеющихся в варианте, незадолго до того напечатанном в журн. «Московский вестник». 1827. Ч. 6.

⁹ К сожалению, в указателе вообще отсутствует раздел «Фольклор и русская литература XVIII века».

М.Я. Мельц